

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2022.64.70.055

Уголовно-правовая регламентация ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности

Балеев Сергей Александрович

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: pressa@kpfu.ru

Рыбушкин Николай Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: pressa@kpfu.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме реализации конституционных положений в уголовно-правовых нормах, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской и террористической направленности. Автор анализируется законодательная конструкция ряда составов таких преступлений, предусмотренных гл. 24 и 29 действующего УК РФ. Высказываются критические замечания и предложения, направленные на совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики. Анализ судебной практики показывает, что действия организаторов и участников террористического объединения зачастую квалифицируются по ст. 208 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем. Указанный подход правоприменителя основывается, видимо, на разъяснении Пленума Верховного Суда РФ, содержащемся в п. 23 постановления № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Такое толкование целей создания незаконного вооруженного формирования после включения в 2013 г в Уголовный закон ст. 205.4 УК РФ противоречит ее содержанию. Считаем, что позиция Пленума Верховного Суда должна быть изменена путем внесения соответствующих корректив в текст названного постановления.

Для цитирования в научных исследованиях

Балеев С.А., Рыбушкин Н.Н. Уголовно-правовая регламентация ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 10А. С. 548-555. DOI: 10.34670/AR.2022.64.70.055

Ключевые слова

Ксенофобия, экстремизм, терроризм, террористическая деятельность, преступление, уголовная ответственность, дифференциация, состав преступления, конструктивные признаки, санкция.

Введение

Положения Конституции находят свое отражение в процессе законотворчества и правоприменительной деятельности, поэтому общепризнано, что Основной закон страны может рассматриваться в качестве источника уголовного права. В соответствии с ч. 5 ст. 13 Конституции РФ запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Названное положение нашло свое отражение и детализацию в целом ряде норм действующего Уголовного кодекса РФ. Эффективность применения этих норм актуализируется в условиях значительного роста в последние годы числа латентных и открытых проявлений межэтнической, расовой, религиозной нетерпимости.

Экстремизм выступает крайним проявлением ксенофобии, деструктивный потенциал которой проявляется в форме неприязни, нетерпимости, враждебного отношения к лицам иной веры, культуры, национальности, к иностранцам, представителям других регионов» [Этнология..., 2002].

В тексте Уголовного кодекса РФ термин «ксенофобия» отсутствует, поэтому следует определить круг тех преступлений, которые могут быть отнесены к проявлениям ксенофобии.

Основная часть

Исходя из социально-культурной составляющей этого понятия, можно сделать вывод, что к таким преступным проявлениям относятся, во-первых, деяния, субъективная сторона составов которых включает специальные мотивы: мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды, либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Два вида экстремистских мотивов – ненависть и вражда имеют качественно различающееся содержание, что не всегда учитывается в практике правоприменения. Следует согласиться с тем, что уголовно-правовое различие этих мотивов состоит в том, что действующий по мотиву ненависти своими преступными действиями стремится к уничтожению чуждого ему, тогда как действующий по мотиву вражды лишь выказывает свое негативное отношение к чуждому, не стремясь при этом его уничтожить [Воскобитова, 2011, 31-32].

Названные мотивы выступают квалифицирующими признаками в п. «л» ч.2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч.2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ, а в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ расцениваются в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, при его назначении.

В качестве конструктивного признака экстремистские мотивы закреплены законодателем в составе хулиганства (ч. 1 ст. 213 УК РФ). Представляется, что это, мягко говоря, не совсем удачное законодательное решение. Мы разделяем позицию Б.В. Сидорова, считающего, что «экстремистские мотивы и хулиганские побуждения – разные, не совпадающие и не

совместимые, имеющие каждый свое специфическое содержание и нравственно-правовую природу» [Сидоров, 2012, 341-344].

Во-вторых, к преступным проявлениям ксенофобии относятся преступления экстремистской направленности. К данной группе относятся преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. ст. 136, 145, 148, 149, 280 и 282, 282.1, 282.2 УК РФ.

В ст. 282.1 УК РФ предусматривается ответственность за два различающиеся по объективным признакам состава преступлений: организацию (создание, руководство) и участие в организованном преступном объединении, а потому и ответственность за эти деяния предусматривается в различных частях статьи. Полагаем, что наименование статьи должно отражать ее содержание, а потому предлагаем изменить его и изложить в следующей редакции: *Статья 282.1. Организация экстремистского сообщества и участие в нем.*

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ экстремистским сообществом признается *организованная группа лиц* для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, то есть преступлений, совершенных по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Однако при раскрытии объективных признаков организационной деятельности законодатель говорит о *частях* экстремистского сообщества и входящих в него *структурных подразделениях*. Это, на наш взгляд, никак не согласуется с определением организованной группы в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Из смысла ч.1 ст. 282.1 УК РФ также не совсем ясно, является ли объединение организаторов, руководителей и иных представителей организованных групп и других подразделений экстремистского сообщества разновидностью экстремистского сообщества, либо это самостоятельное наряду с ним экстремистское объединение.

Поэтому считаем целесообразным определить в законе экстремистское сообщество не только как организованную группу, созданную для совершения преступлений экстремистской направленности, но и структурированную организованную группу и объединение таких групп, созданные в тех же целях.

Аналогичные дополнения следует включить в диспозицию ч. 1 ст. 205. 4 УК РФ, определяющую понятие террористического сообщества.

Ст. 282² УК РФ предусматривает ответственность за организацию деятельности экстремистской организации (ч.1) и участие в деятельности такой организации (ч.2).

В отличие от состава организации экстремистского сообщества организационно – структурными формами экстремистской организации являются: 1) общественное объединение; 2) религиозное объединение; 3) иная организация.

Следует отметить, что уголовно наказуемы организация и участие лишь в тех объединениях, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Согласно ч.1 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1 – ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации, а также их законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

В ч. 2 этой статьи зафиксировано: «Неисполнение постановления суда, а равно иное проявление неуважения к суду влекут ответственность, предусмотренную федеральным законом» [Правоохранительные органы..., 2006, 16].

Так как в ст. 282² УК РФ говорится об организации деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в силу судебное решение о ликвидации или о запрете их деятельности по признакам ее экстремистской направленности, А.В. Лебедев считает, что «в подобных случаях речь идет об умышленном невыполнении решения суда и о продолжении противоправной деятельности запрещенной организации» [Лебедев, 2005, 655], а потому приходит к выводу о том, что ст. 282² является специальной нормой по отношению к ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта», а потому не требует квалификации по совокупности этих преступлений.

На наш взгляд, общественная опасность организации деятельности экстремистской организации состоит не столько в том, что не исполняется вступившее в силу судебное решение, а, прежде всего, в силу продолжения экстремистской деятельности такого объединения. Поэтому далеко не случайно расположение данной нормы в главе 29 УК «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Полагаем, что в случае продолжения функционирования экстремистской организации в целях осуществления экстремистской деятельности, действия ее организаторов и участников должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 282² и 315 УК РФ.

Представляется, что террористическая деятельность выступает наиболее опасной формой экстремизма, хотя в науке уголовного права эти виды преступной деятельности почему-то разделяются. Это тем более очевидно в условиях, когда большинство террористических актов, совершенных в последнее время на территории России, не сопровождались какими-либо требованиями преступников к органам власти, международным организациям. Считаем, что этот признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, не может во всех случаях рассматриваться в качестве обязательного. Напротив, тот или иной мотив экстремистского характера лежит в основе действий террористов.

Уголовно наказуемыми в соответствии с положениями действующего законодательства в рамках гл. 24 УК РФ сегодня являются содействие террористической деятельности (ст. 205.1), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205. 2), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (205.3), организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4), организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205. 5), несообщение о преступлении (ст. 205. 6) и другие преступления, посягающие на общественную безопасность.

Следует приветствовать решение законодателя о признании в качестве самостоятельных составов подстрекательство к преступлениям террористической направленности, вооружение или подготовку лиц для их совершения, финансирование терроризма (ч. ч. 1 и 1.1 ст. 205.1), пособничество террористическому акту, организации незаконного вооруженного формирования, особо квалифицированному виду захвата заложника (ч. 3 ст. 205.1), организацию преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206 и ч. 4 ст. 211 УК РФ, а равно организацию финансирования терроризма (ч. 4 ст. 205.1).

Полагаем, что финансирование терроризма является более опасной формой содействия

террористической деятельности нежели просто подстрекательство к нему. Этим, на наш взгляд, обусловлено решение законодателя о перенесении этого объективного признака состава в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ. Вместе с тем считаем вполне обоснованными высказанные в литературе предложения о криминализации ответственности за финансирование терроризма в качестве самостоятельного состава преступления [Богомолов, 2016, 18]. Предлагаем по аналогии со ст. 282.3 УК, предусматривающей ответственность за экстремистскую деятельность, включить в гл. 24 УК РФ статью «Финансирование террористической деятельности».

Не вызывает сомнений дифференцированный подход к ответственности за преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, в силу различного уровня опасности преступных деяний, в совершение которых вовлекает других лиц виновный (ФЗ № 445 от 29 декабря 2017 г.). Вместе с тем, на наш взгляд, более логичной и последовательной такая дифференциация была бы в случае, если ее критерием выступала та или иная категория преступлений в соответствии с положениями ст. 15 УК РФ. Отнесение преступления террористической направленности к категории особо тяжкого преступления (ст. 208, ч. 2 и 3 ст. 211, ст. ст. 277, 278, 279), к которому субъект склоняет, вербует и проч., должно, по нашему мнению, признаваться квалифицирующим признаком, а потому влечь ответственность не по ч. 1, а ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ.

Мы разделяем позицию законодателя, криминализировавшего деяние, состоящее в несообщении лицом о достоверно известных ему фактах готовящегося, совершаемого или совершенного преступления террористической направленности. Как известно, ответственность за подобный вид прикосновенности к преступлению предусматривалась в советском уголовном праве, но не была воспринята и реализована в современном законодательстве. Вполне обоснованными представляются положения санкции ст. 205.6, определяющей наказание за это преступление.

Напротив, вызывают вопросы изменения, внесенные ФЗ от 31 декабря 2017 г. в ст. 207 УК РФ, регламентирующую ответственность за заведомо ложное сообщение о террористическом акте. Именно о преступлении, предусмотренном ст. 205 УК РФ, а не об акте терроризма, как следует из наименования названной статьи. Практика свидетельствует о том, что это одно из наиболее распространенных преступлений террористической направленности. Так, судами общей юрисдикции РФ по ст. 207 УК РФ с вынесением обвинительного приговора рассмотрены: в 2019 г. – 848, в 2020 г. – 733, в 2021 г. – 777, за первую половину 2022 г. – 490 уголовных дел этой категории¹.

В действующей редакции в сравнении с предыдущей, предусматривается большая дифференциация ответственности за такое деяние. Квалифицирующими признаками признаются не только причинение крупного ущерба либо наступление иных тяжких последствий от такого деяния, но и совершение его в отношении объектов социальной инфраструктуры, в целях дестабилизации деятельности органов власти, последствие в виде смерти человека.

Очевидно, что названные обстоятельства выступают объективными показателями повышения степени общественной опасности и должны выступать критерием дифференциации уголовной ответственности. Однако вызывают сомнения: 1) необходимость включения в качестве обязательного конструктивного признака субъективной стороны основного состава

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 - 2022 гг.

этого преступления хулиганских побуждений как единственного мотива совершения подобных действий, 2) обоснованность изменения обязательного признака субъективной стороны особо квалифицированного состава, предусмотренного ч. 4 ст. 207 УК. Согласно действующей редакции этой статьи отношение виновного к тяжким последствиям характеризуется исключительно неосторожной формой вины, хотя прямо противоположный подход имел место в предыдущей законодательной формулировке.

Террористическое сообщество и террористическая организация – наиболее опасные формы проявления терроризма. Опасность данных преступлений определяется тем, что подобные объединения создаются в целях осуществления террористической деятельности и совершения преступлений террористической направленности. Этим обусловлено, на наш взгляд, решение законодателя о включении в УК РФ двух новых составов преступлений (ФЗ от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ)²: «Организация террористического сообщества и участие в нем» (ст. 205.4 УК РФ) и «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» (ст. 205.5 УК РФ). За период с 2019г. по настоящее время за организацию террористического сообщества обвинительный приговор вынесен в отношении 28 осужденных, за участие в таком объединении осуждены 22 человека. Более эффективной с позиции практики правоприменения представляется ст. 205.5 УК РФ. За аналогичный период осуждены 47 организаторов и 257 участников организаций, признанных террористическими³.

Немалую роль, на наш взгляд, в недостаточной эффективности применения положений ст. 205.4 УК РФ играет законодательная конструкция диспозиции ч. 1 этой статьи, поскольку в некоторой степени противоречит положениям ч. 4 ст. 35 УК РФ, определяющей родовое понятие преступного сообщества.

Анализ судебной практики показывает, что действия организаторов и участников террористического объединения зачастую квалифицируются по ст. 208 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем. Так, с 2019г. по 2022г. судами Российской Федерации по ч. 1 этой статьи осуждены 27 организаторов, по ч. 2 - 219 участников таких преступных объединений⁴. Указанный подход правоприменителя основывается, видимо, на разъяснении Пленума Верховного Суда РФ, содержащемся в п. 23 постановления № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», из которого следует, что «под незаконным вооруженным формированием в ст. 208 УК РФ следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину или иную вооруженную группу, созданные для реализации определенных целей (например, совершения террористических актов, насильственного изменения конституционного строя или нарушения целостности Российской Федерации)⁵. Такое толкование целей создания незаконного вооруженного формирования после включения в 2013 г в Уголовный закон ст. 205.4 УК РФ противоречит ее содержанию.

² См.: Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 -2022 гг.

⁴ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 -2022 гг.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Заключение

Считаем, что позиция Пленума Верховного Суда должна быть изменена путем внесения соответствующих корректив в текст названного постановления.

Библиография

1. Балеев С.А. Ответственность за организацию и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 36-39.
2. Богомолов С.Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид наук. Нижний Новгород, 2016. 285 с.
3. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности производства по делам, связанным с проявлениями ксенофобии. М., 2011. 168 с.
4. Конституция Российской Федерации.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».
6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019-2022 гг. URL: cdep.ru
7. Сидоров Б.В. Вирус политиканства в российской уголовно-правовой системе // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 225-232.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации.
9. Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
10. Этнология. Учебный словарь. М., 2002. 208 с.

Criminal-legal regulation of responsibility for crimes of extremist and terrorist orientation

Sergei A. Baleev

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Criminal Law,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: pressa@kpfu.ru

Nikolai N. Rybushkin

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Criminal Law,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: pressa@kpfu.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of the implementation of constitutional provisions in criminal law norms regulating responsibility for crimes of extremist and terrorist orientation. The author analyzes the legislative structure of a number of compositions of such crimes provided for in Chapters 24 and 29 of the current Criminal Code of the Russian Federation. Critical comments and

suggestions are made aimed at improving criminal legislation and law enforcement practice. An analysis of judicial practice shows that the actions of the organizers and participants of a terrorist association are often qualified under Art. 208 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for organizing an illegal armed formation or participation in it. This approach of the law enforcement officer is apparently based on the explanation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, contained in paragraph 23 of Resolution No. 1 of February 9, 2012 “On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases of Terrorist Offenses”. Such an interpretation of the goals of creating an illegal armed group after the inclusion in 2013 of the Criminal Law of Art. 205.4 of the Criminal Code of the Russian Federation contradicts its content. We believe that the position of the Plenum of the Supreme Court should be changed by making appropriate adjustments to the text of the said resolution.

For citation

Baleev S.A., Rybushkin N.N. (2022) Ugolovno-pravovaya reglamentatsiya otvetstvennosti za prestupleniya ekstremistskoi i terroristicheskoi napravlenosti [Criminal-legal regulation of responsibility for crimes of extremist and terrorist orientation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (10A), pp. 548-555. DOI: 10.34670/AR.2022.64.70.055

Keywords

Xenophobia, extremism, terrorism, terrorist activity, crime, criminal responsibility, differentiation, corpus delicti, constructive signs, sanction.

References

1. Baleev S.A. (2010) Otvetstvennost' za organizatsiyu i uchastie v ekstremistskom soobshchestve i ekstremistskoi organizatsii [Responsibility for organizing and participating in an extremist community and an extremist organization]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 36-39.
2. Bogomolov S.Yu. (2016) *Otvetsvennost' za finansirovanie terrorizma: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie. Doct. Dis.* [Responsibility for the financing of terrorism: criminal law and criminological research. Doct. Dis.]. Nizhniy Novgorod.
3. (2002) *Etnologiya. Uchebnyi slovar'* [Ethnology. Educational dictionary]. Moscow.
4. *Federal'nyi zakon ot 2 noyabrya 2013 g. № 302-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of November 2, 2013 No. 302-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”].
5. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation].
6. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 1 ot 9 fevralya 2012 g. «O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki po ugovolnym delam o prestupleniyakh terroristicheskoi napravlenosti»* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated February 9, 2012 “On some issues of judicial practice in criminal cases on crimes of a terrorist nature”].
7. Sidorov B.V. (2012) Virus politikanstva v rossiiskoi ugovolno-pravovoi sisteme [The virus of politicking in the Russian criminal law system]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 1, pp. 225-232.
8. *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2019-2022 gg.* [Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for 2019-2022]. Available at: cdep.ru [Accessed 12/12/2022]
9. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii* [Criminal Code of the Russian Federation].
10. Voskobitova L.A. (2011) *Nekotorye osobennosti proizvodstva po delam, svyazannym s proyavleniyami ksenofobii* [Some features of proceedings in cases related to manifestations of xenophobia]. Moscow.